

ЧЕСТНЫЙ ВОРЪ,

(Изъ записокъ неизвѣстнаго.)

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Вновь просмотрѣнное изданіе.

Цѣна 30 коп.

Изданіе и собственность

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества.

Большая Морская, д. Лауферта, № 27, въ С. Петербургѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

ВЪ МАГАЗИНѢ О. СТЕЛЛОВСКАГО.

ВЫШЛИ и РАЗДАЮТСЯ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 томъ (*)

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Закрывающіе въ себѣ: полное собраніе сочиненій **О. М. Достоевскаго**, графа **Л. Н. Толстаго**, **А. О. Писемскаго** и **Вс. В. Крестовскаго**.

Предпринятое мною изданіе Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ имѣетъ цѣлью—совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библиотекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какого либо сочиненія вышедшаго изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабаго распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимся въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы; то для наибольшаго распространенія, настоящее изданіе Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ, подобно таковымъ же заграничнымъ, печатается въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, и слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ отъ 30 до 35 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ приблизительно будетъ простираться до 50.

(*) Восьмой и слѣдующіе тома печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

ЧЕСТЫЙ ВОРЪ

(Изъ записокъ неизвѣстнаго.)

Ө. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Вновь просмотрѣнное самимъ авторомъ изданіе.

Изданіе и собственность

Ө. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества, Коммиссіонера
Придворной Пѣвческой Капеллы и Дирекціи Императорскихъ
театровъ и владѣтеля извѣстнаго торговаго дома Н. Пеца,
существующаго съ 1785 года.

Большая Морская, № 27, въ С. Петербургѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ө. СТЕЛЛОВСКАГО.

1865.

Дозволено ценсурою. С. Петербургъ, 24-го Іюля, 1865 года.

Въ типографіи Ѳ. Стеловскаго, поставщика Его Императорскаго Величества, противъ Юсунова сада, на углу Екатерининскаго проспекта и Садовой д. Куванова № 2—49.

ЧЕСТНЫЙ ВОРЪ

(Изъ записокъ неизвѣстнаго.)

Однажды утромъ, когда я уже совсѣмъ собрался идти въ должность, вошла ко мнѣ Аграфена, моя кухарка, прачка и домоводка, и, къ удивленію моему, вступила со мной въ разговоръ.

До сихъ поръ это была такая молчаливая, простая баба, что, кромѣ ежедневныхъ двухъ словъ о томъ, чего приготовить къ обѣду, не сказала лѣтъ въ шесть почти ни слова. По крайней мѣрѣ, я болѣе ничего не слыхалъ отъ нея.

— Вотъ я, сударь, къ вамъ, начала она вдругъ:— вы бы отдали въ наемъ каморку.

— Какую каморку?

— Да вотъ, что подлѣ кухни. Извѣстно какую.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ! за тѣмъ, что пускаютъ же люди жильцовъ. Извѣстно зачѣмъ.

— Да кто ее найметъ?

— Кто найметъ! Жилецъ найметъ. Извѣстно кто.

— Да тамъ, мать моя, и кровати поставить нельзя; тѣсно будетъ. Кому жъ тамъ жить?

— Зачѣмъ тамъ жить! Только бы спать гдѣ было; а онъ на окнѣ будетъ жить.

— На какомъ окнѣ?

— Извѣстно на какомъ, будто не знаете! На томъ, что въ передней. Онъ тамъ будетъ сидѣть, шить, или что-нибудь дѣлать. Пожалуй, и на стулѣ сядетъ. У него есть стулъ; да и столъ есть; все есть.

— Кто жъ онъ такой?

— Да хорошій, бывалый человѣкъ. Я ему буду кушанье готовить. И за квартиру, за столъ буду всего три рубля серебромъ въ мѣсяцъ брать...

Наконецъ я, послѣ долгихъ усилій, узналъ, что какой-то пожилой человѣкъ уговорилъ, или какъ-то склонилъ Аграфену пустить его въ кухню, въ жилыи и въ нахлѣбниии. Что Аграфенѣ пришло въ голову, тому должно было сдѣлаться; иначе, я зналъ, что она мнѣ покоя не дастъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда что-нибудь было не по ней, она тотчасъ же начинала задумываться, впадала въ глубокую меланхолію, и такое состояніе продолжалось недѣли двѣ или три. Въ это время портилось кушанье, не досчитывалось бѣлье, полы не были вымыты, однимъ словомъ, происходило много неприємностей. Я давно замѣтилъ, что эта безсловесная женщина не въ состояніи была составить рѣшенія, установиться на какой-нибудь собственно ей принадлежащей мысли. Но ужъ если въ слабости мозгу ея какимъ-нибудь случайнымъ образомъ складывалось что-нибудь похожее на идею, на предпріятіе, то отказать ей въ исполненіи значило на нѣсколько времени морально убить ее. И потому, болѣе всего любя собственное спокойствіе, я тотчасъ же согласился.

— Есть ли, по крайней мѣрѣ, у него видъ какой-нибудь, паспортъ, или что-нибудь?

— Какъ же? извѣстно, есть. Хорошій, бывалый человѣкъ; три рубля обѣщался давать.

На другой же день, въ моей скромной, холостой квартирѣ появился новый жилецъ; но я не досадовалъ, даже про себя былъ радъ. Я вообще живу уединенно, совсѣмъ затворникомъ. Знакомыхъ у меня почти никого; выхожу я рѣдко. Десять лѣтъ проживъ глухаремъ, я, конечно, привыкъ къ уединенію. Но десять, пятнадцать лѣтъ, а можетъ-быть, и болѣе такого же уединенія, съ такой же Аграфеной, въ той же холостой квартирѣ — конечно, довольно-безцвѣтная перспектива! И потому лишній, смирный человѣкъ, при такомъ порядкѣ вещей — благодать небесная!

Аграфена не солгала: жилецъ мой былъ изъ бывалыхъ людей. По паспорту оказалось, что онъ изъ отставныхъ солдатъ, о чемъ я узналъ и не глядя на паспортъ, съ перваго взгляда, по лицу. Это легко узнать. Астафій Ивановичъ, мой жилецъ, былъ изъ хорошихъ между своими. Зажили мы хорошо. Но всего лучше было, что Астафій Ивановичъ подъ часъ умѣлъ рассказывать исторіи, случаи изъ собственной жизни. При всегдашней скукѣ моего житія-бытія, такой рассказчикъ былъ просто кладъ. Разъ онъ мнѣ рассказалъ одну изъ такихъ исторій. Она произвела на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Но вотъ по какому случаю произошелъ этотъ рассказъ.

Однажды я остался въ квартирѣ одинъ: и Астафій и Аграфена разошлись по дѣламъ. Вдругъ я услышалъ изъ второй комнаты, что кто-то вошелъ, и, показалось мнѣ, чужой; я вышелъ: дѣйствительно, въ передней стоялъ чужой человѣкъ, малый невысокаго роста, въ одномъ сюртукѣ, не смотря на холодное осеннее время.

— Чего тебѣ?

— Чиновника Александрова; здѣсь живетъ?

— Такого нѣтъ, братецъ; прощай.

— Какъ же дворникъ сказалъ, что здѣсь, проговорилъ посѣтителъ, осторожно ретируясь къ дверямъ.

— Убирайся, убирайся, братецъ; пошелъ.

На другой день послѣ обѣда, когда Астафій Ивановичъ примѣрялъ мнѣ сюртукъ, который былъ у него въ передѣлкѣ, опять кто-то вошелъ въ переднюю. Я пріотворилъ дверь.

Вчерашній господинъ, на моихъ же глазахъ, преспокойно снялъ съ вѣшалки мою бекешъ, сунулъ ее подъ мышку и пустился вонъ изъ квартиры. Аграфена все время смотрѣла на него разинувъ ротъ отъ удивленія и больше ничего не сдѣлала для защиты бекешки. Астафій Ивановичъ пустился вслѣдъ за мошенникомъ и черезъ десять минутъ воротился весь запыхавшись съ пустыми руками. Сгинулъ да пропалъ человѣкъ!

— Ну, неудача, Астафій Ивановичъ. Хорошо еще, что шинель намъ осталась! А то бы совсѣмъ посадилъ на мель, мошенникъ!

Но Астафія Ивановича все это такъ поразило, что я даже позабылъ о покражѣ на него глядя. Онъ опомниться не могъ. Поминутно бросалъ работу, которою былъ занятъ, поминутно начиналъ съизнова рассказывать дѣло, какимъ это образомъ все случилось, какъ онъ стоялъ, какъ вотъ въ глазахъ, въ двухъ шагахъ, сняли бекешъ, и какъ это все устроилось, что и поймать нельзя было. Потомъ опять садился за работу; потомъ опять бросалъ все, и я видѣлъ, какъ наконецъ пошелъ онъ къ дворнику рассказать и прекратить его, что на своемъ дворѣ такимъ дѣламъ быть попускаетъ. Потомъ воротился и Аграфену началъ бранить. Потомъ опять сѣлъ за работу и долго еще бор-

моталь про себя, что вотъ, какъ это все дѣло случилось, какъ онъ тутъ стоялъ а я тамъ, и какъ вотъ въ глазахъ, въ двухъ шагахъ сняли бекешъ и т. д. Однимъ словомъ, Астафій Ивановичъ, хотя дѣло сдѣлать умѣлъ, однако былъ большой кропотунъ и хлопотунъ.

— Одурачили насъ съ тобой, Астафій Ивановичъ! сказалъ я ему вечеромъ, подавая ему стаканъ чая и желая отъ скуки опять вызвать рассказъ о пропавшей бекешѣ, который отъ частаго повторенія и отъ глубокой искренности рассказчика начиналъ становиться очень комическимъ.

— Одурачили, сударь! Да просто вчужѣ досадно, зло пробираетъ, хоть и не моя одежда пропала. И по моему нѣтъ гадины хуже вора на свѣтѣ. Иной хоть задаромъ беретъ, а этотъ твой трудъ, потъ, за него пролитой, время твое у тебя крадетъ... Гадость, тьфу! говорить не хочется, зло беретъ. Какъ это вамъ, сударь, своего добра не жалко?

— Да, оно правда, Астафій Ивановичъ; ужь лучше сгори вещь, а вору уступить досадно, не хочется.

— Да ужь чего тутъ хочется! Конечно, воръ вору рознь... А былъ, сударь, со мной одинъ случай, что попалъ я и на честнаго вора.

— Какъ на честнаго! Да какой же воръ честный, Астафій Ивановичъ?

— Оно, сударь, правда! Какой же воръ честный, и не бываетъ такого. Я только хотѣлъ сказать, что честный, кажется, былъ человѣкъ, а укралъ. Просто, жалко было его.

— А какъ это было, Астафій Ивановичъ?

— Да было, сударь, тому назадъ года два. Пришлось мнѣ тогда безъ малаго годъ быть безъ мѣста, а когда еще доживалъ я на мѣстѣ, сошелся со

мною одинъ пропащій совсѣмъ человѣкъ. Такъ въ харчевнѣ сошлись. Пьянчужка такой, потаскунъ, тунѣядецъ, служилъ прежде гдѣ-то, да его за пьяную жизнь ужъ давно изъ службы исключили. Такой недостойный! ходилъ онъ ужъ Богъ-знаетъ въ чемъ! Иной разъ, такъ думаешь, есть ли рубашка у него подъ шинелью; все, что ни заведется, пропьетъ. Да не буянъ; характеромъ смиренъ, такой ласковый, добрый, и не просить, все совѣстится: ну, самъ видишь, что хочется выпить бѣднягѣ, и поднесешь. Ну, такъ-то я съ нимъ и сошелся, то есть, онъ ко мнѣ привязался... мнѣ-то все равно. И какой былъ человѣкъ! Какъ собачонка привяжется, ты туда — и онъ за тобой; а всего одинъ разъ только видѣлись, мозглякъ такой! Сначала пусти его переночевать—ну, пустил; вижу и паспортъ въ порядкѣ, человѣкъ ничего! Потомъ, на другой день, тоже пусти его почевать, а тамъ и на третій пришелъ, цѣлый день на окнѣ просидѣлъ, тоже почевать остался. Ну, думаю, навязался жъ онъ на меня: и пой и борми его, да еще почевать пускай—вотъ бѣдному человѣку, да еще нахлѣбникъ на шею садится. А прежде онъ тоже, какъ и ко мнѣ, къ одному служащему хаживалъ, привязался къ нему, вмѣстѣ все пили; да тотъ спился и умеръ съ какого-то горя. А этого звали Емелей, Емельяномъ Ильичемъ. Думаю, думаю: какъ мнѣ съ нимъ быть? прогнать его—совѣстно, жалко: такой жалкій, пропащій человѣкъ, что и Господи! И безсловесный такой, не просить, сидитъ себѣ, только какъ собачонка въ глаза тебѣ смотреть. То есть, вотъ какъ пьянство человѣка испортитъ! Думаю про себя: какъ скажу я ему: ступай-ка ты, Емельянушка, вонъ; нечего тебѣ дѣлать у меня; не къ тому попалъ; самому скоро перекусить будетъ не чѣмъ, какъ же мнѣ дер-

жать тебя на своихъ харчахъ? Думаю, сижу, что онъ сдѣлаетъ, какъ я такое скажу ему? Ну, и вижу самъ про себя, какъ бы долго онъ глядѣлъ на меня, когда бы услыхалъ мою рѣчь, какъ бы долго сидѣлъ и не понималъ ни слова, какъ бы потомъ, когда въ домекъ бы взялъ, всталъ бы съ оена, взялъ бы свой узелокъ, какъ теперь вижу, клѣтчатый красный, дырявый, въ который Богъ-знаетъ что завертывалъ и всюду съ собой носилъ, какъ бы оправилъ свою шинелишку, такъ, чтобъ и прилично было, и тепло, да и дырьевъ было бы не видать — деликатный былъ человѣкъ! какъ бы отворилъ потомъ дверь, да и вышелъ бы съ слезинкой на лѣстницу. Ну, не пропадать же совсѣмъ человѣку... жалко стало! А тутъ потомъ, думаю, мнѣ-то самому каково! Пстой же, смеаю про себя, Емельянушка, не долго тебѣ у меня пировать; вотъ скоро съѣду, тогда не найдешь. Ну-съ, сударь, съѣхали мы; тогда еще Александръ Филимоновичъ, баринъ (теперь покойникъ, царство ему небесное), говорятъ: очень остаюсь тобою доволенъ, Астафій, воротимся всѣ изъ деревни, не забудемъ тебя, опять возьмемъ. А я у нихъ въ дворецкихъ проживалъ — добрый былъ баринъ, да умеръ въ томъ же году. Ну, какъ проводили мы ихъ, взялъ я свое добро, деньжонокъ кой-какихъ было, думаю, попокоюсь себѣ, да и съѣхалъ я къ одной старушоночкѣ, уголь занялъ у ней. А у ней и всего-то одинъ уголь свободный былъ. Тоже въ нянюшкахъ гдѣ-то была, такъ теперь особо жила, пенсіонъ получала. Ну, думаю, прощай теперь, Емельянушка, родной человѣкъ, не найдешь ты меня! Что жъ, сударь, думаете? Воротился я по вечеру (къ знакомому человѣку повидаться ходилъ) и перваго вижу Емелю, сидитъ себѣ у меня на сундукѣ, и клѣтчатый узелокъ подлѣ него, сидитъ

въ шинелишкѣ, меня поджидаетъ... да отъ скуки еще книжку церковную у старухи взялъ, вверху ногами держитъ. Нашелъ-таки! И руки у меня опустылись. Ну, думаю, нечего дѣлать, зачѣмъ сначала не гналъ? Да прямо и спрашиваю: «Принесъ ли паспортъ, Емеля?»

«Я тутъ, сударь, сѣлъ да началъ раздумывать; что жъ онъ, скитающійся человѣкъ, много ль помѣхи миѣ сдѣлаетъ? И вышло, по раздумьи, что не многого будетъ стоить помѣха. Кушать ему надо, думаю. Ну, хлѣбца кусочекъ утромъ, да чтобъ приправа посмачнѣе была, такъ лучку купить. Да въ полдень ему тоже хлѣбца, да лучку дать; да повечерять тоже лучку съ квасомъ, да хлѣбца, если хлѣбца захочетъ. А навернутся щи какія-нибудь, такъ мы ужъ оба по горлышко сыты. Я-то ѣсть много не ѣмъ, а пьющій человѣкъ, извѣстно, ничего не ѣстъ: ему бы только настоечки, да зелена винца. Доканаетъ онъ меня на питейномъ, подумалъ я, да тутъ же, сударь, и другое въ голову пришло, и вѣдь какъ забрало меня. Да такъ, что вотъ, еслибъ Емеля ушелъ, такъ я бы жизни не радъ былъ... Порѣшилъ же я тогда быть ему отцомъ-благодѣтелемъ. Воздержу, думаю, его отъ злой гибели, отучу его чарочку знать! Постой же ты, думаю: ну, хорошо, Емеля, оставайся, да только держись теперь у меня, слушай команду!

«Вотъ и думаю себѣ: начну-ка я его теперь къ работѣ какой приучать, да не вдругъ; пусть сперва погуляетъ маленько, а я, межъ-тѣмъ, приглянусь, поищу, къ чему бы такому, Емеля, способность найти въ тебѣ. Потому-что на всякое дѣло, сударь напередъ всего человѣческая способность нужна. И сталъ я къ нему втихомолку приглядываться. Вижу: отчаянный ты человѣкъ. Емельянушка! Началъ я, сударь, сперва съ добраго слова:

такъ и сякъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, ты бы на себя посмотрѣлъ, да какъ-нибудь тамъ пооправился.

«Полно гулять! Смотри ка, въ отребьи весь ходишь, шинелишка-то твоя, простительно сказать, на рѣшето годится; нехорошо! Пора бы, кажется, честь знать. Сидить, слушаетъ меня, понурия голову, мой Емельянушка. Чего, сударь! ужь до того дошелъ, что языкъ пропиль, слова путнаго сказать не умѣетъ. Начнешь ему про огурцы, а онъ тебѣ на бобахъ откликается! слушаетъ меня, долго слушаетъ, а потомъ и вздохнетъ. Чего жь ты вздыхаешь, спрашиваю, Емельянъ Ильичъ?

— «Да такъ-съ ничего, Астафій Ивановичъ, не безпокойтесь. А вотъ сегодня двѣ бабы, Астафій Ивановичъ, подрались на улицѣ, одна у другой лукошко съ клюквой невзначай разсыпала.

— «Ну, такъ что жь?

— «А другая за то ей нарочно, ея же лукошко съ клюквой разсыпала, да еще ногой давить начала.

— «Ну, такъ что жь, Емельянъ Ильичъ?

— «Да ничего-съ, Астафій Ивановичъ, я только такъ.

— «Ничего-съ, только такъ. Э-эхъ! думаю, Емеля, Емельюшка! пропиль-прогулялъ ты головушку!..

— «А то баринъ ассигнацію обронилъ на панели въ Гороховой, то-бишь, въ Садовой. А мужикъ увидалъ, говоритъ, мое счастье; а тутъ другой увидалъ, говоритъ, нѣтъ, мое счастье! Я прежде твоего увидалъ...

— «Ну, Емельянъ Ильичъ.

— «И задрались мужики, Астафій Ивановичъ. А городской подошолъ, поднялъ ассигнацію и отдалъ барину, а мужиковъ обоихъ въ будку грозилъ посадить.

— «Ну, такъ что жь? что же тутъ такого назидательнаго есть, Емельянушка?..

— «Да я ничего-съ. Народъ смѣялся, Астафій Иванычъ.

— «Э-хъ, Емельянушка! что народъ! Продалъ ты за мѣдный алтынъ свою душеньку. А знаешь ли что, Емельянъ Ильичъ, я скажу-то тебѣ?

— «Чего-съ, Астафій Иванычъ?

— «Возьми-ка работу какую-нибудь, право, возьми. Въ сотый говорю возьми, пожалѣй себя!

— «Что же мнѣ взять такое, Астафій Иванычъ? я ужъ и не знаю, что я такое возьму, и меня-то никто не возьметъ, Астафій Иванычъ.

— «За то жь тебя и изъ службы изгнали, Емеля, пьющій ты человѣкъ!

— «А то вотъ Власа-буфетчика въ контору позвали сегодня, Астафій Иванычъ.

— «Зачѣмъ же, говорю, позвали его, Емельянушка?

— «А вотъ ужъ и не знаю зачѣмъ, Астафій Иванычъ. Значить, ужъ оно тамъ нужно такъ было, такъ и потребовали...

«Э-эхъ! думаю, пропали мы оба съ тобой, Емельянушка! За грѣхи наши насъ Господь наказуетъ! Ну, что съ такимъ человѣкомъ дѣлать прикажете, сударь!

«Только хитрый былъ парень, куды! Слушалъ онъ, слушалъ меня, да потомъ, зная, ему надоѣло, чуть увидить, что я осерчалъ, возьметъ шинелишку, да и улизнетъ — поминай какъ звали! день прошатается, придетъ подъ-вечеръ пьяненькій. Кто его поилъ, откуда онъ деньги бралъ, ужъ Господь его вѣдаетъ, не моя въ томъ вина виновата!..

— «Нѣтъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, не сносить тебѣ головы! Полно пить, слышишь ты, полно!

Другой разъ, коли пьяный воротнись, на лѣстницѣ будешь у меня ночевать. Не пуцу!..

«Выслушавъ наказъ, сидитъ мой Емеля день, другой; на третій опять улизнулъ. Жду-подожду, не приходитъ! Ужь я, признаться сказать, перетрусилъ, да и жалко мнѣ стало. Что я сдѣлалъ надъ нимъ! думаю. Запугалъ я его. Ну, куда онъ пошелъ теперь, горемыка? пропадетъ пожалуй, Господи Богъ мой! Ночь пришла, нейдетъ. На утро вышелъ я въ сѣни, смотрю, а онъ въ сѣняхъ поживать изволитъ. На приступочку голову положилъ и лежитъ; окостенѣлъ отъ стужи совсѣмъ.

— «Что ты Емеля? Господь съ тобой! Куда ты попалъ?

— «Да вы, энтого, Астафій Иванычъ, сердились намедни, огорчаться изволили, и обѣщались въ сѣняхъ меня спать положить, такъ я, энтого, и не посмѣлъ войти, Астафій Иванычъ, да и легъ тутъ...

— «И злость и жалость взяли меня!

— «Да ты бѣ, Емельянъ, хоть бы другую какуюнибудь должность взялъ, говорю. Чего лѣстницу-то стеречь!..

— «Да какую жъ бы другую должность, Астафій Иванычъ?

— «Да хоть бы ты, пронащая ты душа, говорю (зло меня такое взяло!), хоть бы ты портняжному-то искусству повьучился. Ишь у тебя шинель-то какая! Мало-что въ дыркахъ, такъ ты лѣстницу ею метешь! взялъ бы хоть иголку да дырья-то свои законопатилъ, какъ честь велить. Э-эхъ, пьяный ты человѣкъ!

«Что жъ, сударь! и взялъ онъ иглу; вѣдь я ему на смѣхъ сказалъ, а онъ оробѣлъ, да и возьми. Скинулъ шинелишку и началъ нитку въ иглу вдѣвать. Я гляжу на него; ну, дѣло извѣстное, глаза

нагноились, покраснѣли; руки трепещутъ, хоть ты-што! совалъ, совалъ, не вдѣвается нитка: ужь онъ какъ примигивался: и помуслить-то, и посучить въ рукахъ—нѣтъ! бросилъ, смотритъ на меня...

— «Ну, Емеля, одолжилъ ты меня! было бъ при людяхъ, такъ голову срѣзалъ бы! Да вѣдь я тебѣ, простому такому человѣку, на смѣхъ, въ упоръ сказалъ... Ужь ступай, Богъ съ тобой, отъ грѣха! сиди такъ, да срамнаго дѣла не дѣлай, по лѣстницамъ не ночуй, меня не срами!..

— «Да что же мнѣ дѣлать-то, Астафій Ивановичъ; я вѣдь и самъ знаю, что всегда пьяненькій и никуда не гожусь!.. Только васъ, моего бла... благо-дѣтеля, въ сердце ввожу понапрасну...

«Да тутъ какъ затрясутся у него вдругъ его снѣгія губы, какъ покатила слезинка по бѣлой щекѣ, какъ задрожала эта слезинка на его боро-дѣнкѣ небритой, да какъ зальется, прыснетъ вдругъ цѣлой пригоршней слезъ мой Емельянь... Батюшки! словно пожемъ мнѣ полоснуло по сердцу.

— «Эхъ ты, чувствительный человѣкъ, совсѣмъ и не думалъ я! Кто бы зналъ, кто гадалъ про то?.. Нѣтъ! думаю, Емеля, отступлюсь отъ тебя совсѣмъ; пропадай какъ ветوشка!..

«Ну, сударь, что тутъ еще долго рассказывать! Да и вся то вещь такая пустая, мизерная, словъ не стоитъ, то-есть, вы, сударь, примѣрно сказать, за нее двухъ сломанныхъ грошей не дадите, а я-то бы много далъ, еслибъ у меня много было, чтобъ только всего того не случилось! Были у меня, сударь, ретузы, прахъ ихъ возьми, хорошіе, славные ретузы, снѣгіе съ клѣтками, а заказывалъ мнѣ ихъ помѣщикъ, который сюда прѣзжалъ, да отступился потомъ, говорить: узки; такъ они у меня на рукахъ и остались. Думаю: цѣнная вещь! въ Толкучемъ цѣлковыхъ пять, можетъ, дадутъ, а

нѣтъ, такъ я изъ нихъ двое панталонъ петербургскимъ господамъ выгадаю, да еще хвостикъ мнѣ на жилетку останется. Оно бѣдному человѣку, нашему брату, знаете, все хорошо! А у Емельянушки на ту пору прилучись время суровое, грустное. Смотрю: день не пьетъ, другой не пьетъ, третій — хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, осовѣлъ совсѣмъ, индо жалко, сидитъ подгорюнившись. Ну, думаю: али куплева, парень, нѣтъ у тебя, аль ужъ ты самъ на путь Божій вошелъ, да баста скажаль, резону послушался. Вотъ, сударь, такъ это все и было; а на ту пору случись праздникъ большой. Я пошелъ ко всенощной; прихожу — сидитъ мой Емеля на окошечкѣ, пьяненькій, покачивается. Э-ге! думаю, такъ-то ты, парень! да и пошелъ зачѣмъ-то въ сундукъ. Глядь! а ретузь-то и нѣту!.. Я туда и сюда: сгинули! Ну, какъ перерылъ я все, вижу, что нѣтъ, — такъ меня по сердцу какъ-будто скребнуло! Бросился я къ старушонкѣ, сначала ее покленалъ, согрѣшилъ, а на Емелю, хоть и улыбка была, что пьянымъ сидитъ человѣкъ, и домека не было! «Нѣтъ, говоритъ моя старушонка: Господь съ тобой, кавалеръ, на что мнѣ ретузы, носить что ли стать? у меня у самой на медни юбка на добромъ человѣкѣ изъ вашего брата пропала... Ну, то-есть, не знаю, не вѣдаю» говорить. — Кто здѣсь былъ, говорю, кто приходилъ? «Да никто, говоритъ, кавалеръ, не приходилъ; я все здѣсь была. Емельянъ Ильичъ выходилъ, да потомъ и пришелъ; вонъ сидитъ! Его допроси». — Не бралъ ли, Емеля, говорю, по какой-нибудь надобности, ретузь моихъ новыхъ, помнишь, еще на помѣщика строилъ? «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Ивановичъ, я, то-есть, этого, ихъ не бралъ-съ.» «Что за оказія! опять искать началъ, искалъ-искалъ — нѣтъ! А Емеля сидитъ, да покачивается.

Сидѣлъ я вотъ, сударь, такъ передъ нимъ, надъ сундукомъ, на корточкахъ, да вдругъ и накопился на него глазомъ... Эхма! думаю: да такъ вотъ у меня и загло сердце въ груди; даже въ краску бросило. Вдругъ и Емеля посмотрѣлъ на меня.

— «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Ивановичъ: я ретузь-то вашихъ этого... вы, можетъ, думаете, что того, а я ихъ не бралъ-съ.

— «Да куда же бы пропасть имъ, Емельянъ Ильичъ?

— «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Ивановичъ, не видалъ совсѣмъ.

— «Что же, Емельянъ Ильичъ, знать ужъ они, какъ тамъ ни есть, взяли да сами пропали?»

— «Можетъ, что и сами пропали, Астафій Ивановичъ.»

«Я какъ выслушалъ его, какъ былъ — всталъ, подошелъ къ окну, засвѣтилъ свѣтильню, да и сѣлъ работу тачать. Жилетку чиновнику, что подъ нами жилъ, передѣлывалъ. А у самого такъ вотъ и горитъ, такъ и ноетъ въ груди. То-есть, легче бъ, еслибъ я всѣмъ гардеробомъ печь затопилъ. Вотъ и почувалъ знать, Емеля, что меня зло схватило за сердце. Оно, сударь, коли злу человѣкъ причастенъ, такъ еще издали чуетъ бѣду, словно передъ грозой птица небесная.»

— «А вотъ, Астафій Ивановичъ, началъ Емелюшка (а у самого дрожитъ голосенокъ):—сегодня Антипъ Прохорычъ, фельдшеръ, на кучеровой женѣ, что померъ намерднѣ, женился...»

«Я, то-есть, такъ поглядѣлъ на него, да ужъ злостно, знать, поглядѣлъ... Понялъ Емеля. Вижу: встаетъ, подошелъ къ кровати и началъ около нея что-то пошаривать. Жду — долго возится, а самъ все приговариваетъ:» «нѣтъ, какъ нѣтъ, куда бы имъ, шельмамъ, сгинуть!» Жду, что будетъ; вижу,

полѣзъ Емеля подъ кровать на корточкахъ. Я и не вытерпѣлъ.

— «Чего вы, говорю, Емельянъ Ильичъ, на корточкахъ-то ползаете?»

— «А вотъ нѣтъ ли ретузь, Астафій Ивановичъ. Посмотрѣть, не завалились ли туда куда-нибудь.»

— «Да что вамъ, сударь, говорю (съ досады величать его началъ), что вамъ, сударь, за бѣднаго, простаго человѣка, какъ я, заступаться; колѣнки-то попусту ерзать!»

— «Да что жъ, Астафій Ивановичъ, я ничего-съ... Оно, можетъ, какъ-нибудь и найдутся, какъ поискать.»

— «Гм... говорю; послушай-ка, Емельянъ Ильичъ!»

— «Что, говоритъ, Астафій Ивановичъ?»

— «Да не ты ли, говорю, ихъ просто укралъ у меня, какъ воръ и мошенникъ, за мою хлѣбъ-соль услужилъ?—То-есть, вотъ какъ, сударь, меня разобрало тѣмъ, что онъ на колѣнкахъ передо мной началъ по полу ерзать.»

— «Нѣтъ-съ... Астафій Ивановичъ...»

«А самъ какъ былъ, такъ и остался подъ кроватью ничкомъ. Долго лежалъ; потомъ выползъ. Смотрю: блѣдный совсѣмъ человѣкъ, словно простыня. Привсталъ, сѣлъ подлѣ меня на окно, этакъ минутъ съ десять сидѣлъ.»

— «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Ивановичъ, да вдругъ и всталъ и подступилъ ко мнѣ, какъ теперь смотрю, страшный какъ грѣхъ.»

— «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Ивановичъ, я вашихъ ретузь, того, не изволилъ брать...»

«Самъ весь дрожитъ, себя въ грудь пальцемъ трясучимъ тыкаетъ, а голосенокъ-то дрожить у него такъ, что я, сударь, самъ оробѣлъ и словно приросъ къ окну.»

— «Ну, говорю, Емельянъ Ильичъ: — какъ хотите, простите, коли я, глупый человѣкъ, васъ попрекнулъ понапраслиной. А ретузы пусть ихъ, знать, пропадаютъ; не пропадемъ безъ ретузь. Руки есть, слава-Богу, воровать не пойдемъ... и побираться у чужаго бѣднаго человѣка не будемъ; заработаемъ хлѣба...»

«Выслушалъ меня Емеля, постоялъ - постоялъ предо мной, смотрю — сѣлъ. Такъ и весь вечеръ просидѣлъ, не шелохнулся; ужъ я и ко сну отошелъ, все на томъ же мѣстѣ Емеля сидитъ. На утро только смотрю, лежитъ-себѣ на голомъ полу, скрючившись въ своей шинелишкѣ; унизился больно, такъ и на кровать лечь не пришелъ. Ну, сударь, не влюбилъ я его съ этой поры, то-есть, на первыхъ дняхъ возненавидѣлъ. Точно это, примѣрно сказать, сынъ родной меня обокралъ, да обиду кровную мнѣ причинилъ. Ахъ, думаю: Емеля, Емеля! А Емеля, сударь, недѣли съ двѣ безъ просыпу пьетъ. То-есть, остервенился совсѣмъ, опился. Съ утра уйдетъ, придетъ поздней ночью, и въ двѣ недѣли хоть бы слово какое я отъ него услыхалъ. То-есть, вѣрно это его самого тогда горе загрызло, или извести себя какъ-нибудь хотѣлъ. Наконецъ, баста, прекратилъ, знать, все пропилъ и сѣлъ опять на окно. Помню, сидѣлъ, молчалъ трое сутокъ; вдругъ, стотрю: плачетъ человѣкъ. То-есть, сидитъ, сударь, и плачетъ, да какъ! то-есть, просто колодезь, словно не слышитъ самъ, какъ слезы роняетъ. А тяжело, сударь, видѣть, когда взрослый человѣкъ, да еще старикъ-человѣкъ, какъ Емеля, съ бѣды-грусти плакать начнетъ.»

— «Что ты, Емеля? говорю.»

«И всего его затрясло. Такъ и вздрогнулъ. Я,

то-есть, первый разъ съ того времени къ нему рѣчь обратилъ.

— «Ничего... Астафій Иванычъ.

— «Господь съ тобой, Емеля, пусть его все пропадаетъ. Чего ты такой совой сидишь?—Жалко мнѣ стало его.

— «Такъ-съ, Астафій Иванычъ, я не того-съ. Работу какую-нибудь хочу взять, Астафій Иванычъ.

— «Какую же бы такую работу, Емельянъ Ильичъ?

— «Такъ, какую-нибудь-съ. Можетъ должность какую найду-съ, какъ и прежде; я ужъ ходилъ просить къ Ѳедосѣю Иванычу... Не хорошо мнѣ васъ обижать-съ, Астафій Иванычъ. Я, Астафій Иванычъ, какъ, можетъ-быть, должность-то найду такъ вамъ все отдамъ и за всѣ харчи ваши вамъ вознагражденіе представлю.

— «Полно, Емеля, полно; ну, былъ грѣхъ такой, ну—и прошелъ! Прахъ его поberi! Давай жить по-старому.

— «Нѣтъ-съ, Астафій Иванычъ, вы, можетъ-быть, все того... а я вашихъ ретузъ не изволилъ брать...

— «Ну, какъ хочешь; Господь съ тобой, Емельянушка!

— «Нѣтъ-съ, Астафій Иванычъ. Я, видно, больше у васъ не жилецъ. Ужъ вы меня извините, Астафій Иванычъ.

— «Да Господь съ тобой, говорю: кто тебя, Емельянъ Ильичъ, обижаетъ, съ двора гонить, я что ли?

— «Нѣтъ-съ, неприлично мнѣ такъ жить у васъ, Астафій Иванычъ... Я лучше ужъ пойду-съ...

«То-есть разобидѣлся, наладилъ одно человѣкъ. Смотрю я на него, и вправду, всталъ, тащить на плеча шинелишку.

— «Да куда жъ ты, этово, Емельянъ Ильичъ? послушай ума разума: что ты? куда ты пойдешь?

— «Нѣтъ, ужъ вы прощайте, Астафій Ивановичъ, ужъ не держите меня (самъ опять хнычетъ); я ужъ пойду отъ грѣха, Астафій Ивановичъ. Вы ужъ не такіе стали теперь.

— «Да какой не такой? такой! Да ты какъ дитя малое, неразумное, пропадешь одинъ, Емельянъ Ильичъ.

— «Нѣтъ, Астафій Ивановичъ, вы вотъ, какъ уходите, сундукъ теперь запираете, а я, Астафій Ивановичъ, вижу и плачу... нѣтъ ужъ вы лучше пустите меня, Астафій Ивановичъ, и простите мнѣ все, чѣмъ я въ нашемъ сожительствѣ вамъ обиду нанесъ.

«Что жъ, сударь? и ушелъ человѣкъ. День жду, вотъ, думаю, воротится къ вечеру нѣтъ! Другой день нѣтъ, третій—нѣтъ. Испугался я, тоска меня ворочаетъ; не пью, не ѣмъ, не сплю. Обезоружилъ меня совсѣмъ человѣкъ! Пошелъ я на четвертый день ходить, во всѣ кабаки заглядывалъ, спрашивалъ—нѣтъ, пропалъ Емельянушка! «Ужъ сносилъ ли ты свою голову побѣдную?» думаю. «Можетъ, издохъ гдѣ у забора пьяненькій, и теперь какъ бревно гнилое лежишь». Ни живъ, ни мертвъ, я домой воротился. На другой день тоже идти искать положилъ. И самъ-себя проклиная, зачѣмъ я тому попустилъ, чтобъ глухой человѣкъ на свою волю ушелъ отъ меня. Только смотрю: чѣмъ свѣтъ, на пятый день (праздникъ былъ) скрипитъ дверь. Вижу: входитъ Емеля: спитъ такой и волосы всѣ въ грязи, словно спалъ на улицѣ, исхудалъ весь, какъ лучина; снялъ шинелишку, сѣлъ ко мнѣ на сундукъ, глядитъ на меня. Обрадовался я, да пуще прежняго тоска къ моей душѣ припаялась. Оно вотъ какъ, сударь, выходить

случись, то-есть, надо мной такой грѣхъ человѣческій, такъ я, право-слово, говорю: скорѣй, какъ собака, издохъ бы, а не пришелъ. А Емеля пришелъ! Ну, натурально, тяжело человѣка въ такомъ положеніи видѣть. Началъ я его лелѣять, ласкать, утѣшать. Ну, говорю, Емельянушка, радъ, что ты воротился. Опоздалъ бы маленько придти, я бы и сегодня пошелъ по кабачкамъ тебя промышлять. Кушалъ ли ты?

— «Кушалъ-съ, Астафій Ивановичъ.

— «Полно, кушалъ ли? Вотъ, братецъ, щецъ вчерашнихъ маленько осталось; на говядинѣ были, не пустыя; а вотъ и лучку съ хлѣбомъ. Покушай, говорю: оно на здоровье не лишнее.

«Подаль я ему; ну, тутъ и увидалъ, что можетъ, три дня цѣлыхъ не ѣлъ человѣкъ — такой аппетитъ оказался. Это значитъ, его голодъ ко мнѣ пригналъ. Разглубился я на него глядя, сердечнаго. Сѣмъ-ка, я думаю, въ штофную сбѣгаю. Принесу ему отвести душу, да и покончимъ, полно! Нѣтъ у меня больше на тебя злобы, Емельянушка! Принесъ винца. Вотъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, выпьемъ для праздника. Хочешь выпить? оно здорово.

«Протянулъ-было онъ руку, этакъ жадно протянулъ, ужъ взялъ-было, да и остановился; подождать маленько; смотрю: взялъ, несетъ ко рту, плескаегъ у него вино на рукавъ. Нѣтъ, донесъ ко рту, да тотчасъ и поставилъ на столъ.

— «Что жъ, Емельянушка?

— «Да нѣтъ; я того... Астафій Ивановичъ.

— «Не выпьешь, что ли?

— «Да я, Астафій Ивановичъ, такъ ужъ... не буду больше пить, Астафій Ивановичъ.

— «Что жъ, ты совсѣмъ перестать собрался, Емелюшка, или только сегодня не будешь?

«Промолчалъ. Смотрю: черезъ минуту положилъ на руку голову. Что ты, ужъ не заболѣлъ ли, Емеля?»

— «Да такъ, не здоровится, Астафій Ивановичъ.

«Взялъ я его и положилъ на постель. Смотрю, и вправду худо: голова горитъ, а самого трясетъ лихорадкой. Посидѣлъ я день надъ нимъ; къ ночи хуже. Я ему квасу съ масломъ и съ лукомъ смѣшалъ, хлѣбца подсыпалъ. Ну, говорю: тюри покушай, авось будетъ лучше! Мотаешь головой. — «Нѣтъ, говоритъ, я ужъ сегодня обѣдать не буду, Астафій Ивановичъ». Чаю ему приготовилъ, старушоночку замоталъ совсѣмъ—нѣтъ ничего лучше. Ну, думаю, плохо! Пошелъ я на третье утро къ врачу. У меня тутъ медикъ Костоправовъ знакомый жилъ. Еще прежде, когда я у Босомягиныхъ господъ находился, познакомились; лечилъ онъ меня. Пришелъ медикъ, посмотрѣлъ; — да нѣтъ, говоритъ, оно плохо. Нечего было, говоритъ, и посылать за мной. А, пожалуй, дать ему порошокъ. Ну, порошокъ-то я не далъ; такъ, думаю, балуется медикъ; а между-тѣмъ, наступилъ пятый день.

«Лежалъ онъ, сударь, передо мной, кончался. Я сидѣлъ на окнѣ, работу въ рукахъ держалъ. Старушоночка печку топила. Всѣ молчимъ. У меня, сударь, сердце по немъ, забулдыгъ, разрывается; точно это я сына роднаго хороню. Знаю, что Емеля теперь на меня смотритъ, еще съ утра видѣлъ, что крѣпится человѣкъ, сказать что-то хочетъ, да, какъ видно, не смѣетъ. Наконецъ, взглянулъ на него; вижу: тоска такая въ глазахъ у бѣдняги, съ меня глазъ не сводитъ; а увидалъ, что я гляжу на него, тотчасъ потушился.

— «Астафій Ивановичъ!

«Что, Емелюшка?

— «А вотъ, еслибъ, примѣромъ, мою шинелёночку въ Толкучій снести, такъ многоль за нее дали бы, Астафій Иванычъ?

— Ну, говорю, невѣдомо много ли дали бы. Можетъ и трехрублевый бы дали, Емельянъ Ильичъ.

А поди-ка понеси, въ самомъ-дѣлѣ, такъ и ничего бы не дали, кромѣ того, что насмѣялись бы тебѣ въ глаза, что такую злостную вещь продаешь. Такъ только ему, человѣку Божію, зная норовъ его простоватый, въ утѣху сказалъ.

«А я-то думалъ, Астафій Иванычъ, что три рубля серебромъ за нее положили бы; она вещь суконная, Астафій Иванычъ. Какъ же трехрублевый, коли суконная вещь?

-- «Не знаю, говорю, Емельянъ Ильичъ; коль нести хочешь, такъ, конечно, три рубля нужно будетъ съ перваго слова просить.

«Помолчалъ немного Емеля; потомъ опять окликаетъ.

— «Астафій Иванычъ!

— «Что, спрашиваю, Емельянушка?

— «Вы продайте шинелёночку-то, какъ я помру, а меня въ ней не хороните. Я и такъ полежу; а она вещь цѣнная; вамъ пригодиться можетъ.

«Тутъ у меня такъ, сударь, защемило сердце, что и сказать нельзя. Вижу, что тоска предсмертная къ человѣку подступаетъ. Опять замолчали. Этакъ часъ прошло времени. Посмотрѣлъ я на него съизнова: все на меня смотритъ, а какъ встрѣтился взглядомъ со мной, опять потупился.

— «Не хотите ли, говорю, водицы испить, Емельянъ Ильичъ?

— «Дайте, Господь съ вами, Астафій Иванычъ.

«Подалъ я ему испить. Отпилъ. Благодарствую, говоритъ, Астафій Иванычъ.

— «Не надо ль еще чего, Емельянушка?

— «Нѣтъ, Астафій Ивановичъ; ничего не надо; а я того...

— «Что?

— «Этого...

— «Чего-такого, Емелюшка?

— «Ретузы-то... этого... это я ихъ взялъ у васъ тогда... Астафій Ивановичъ...

— Ну, Господь, говорю, тебя простить, Емельянушка горемыка ты такой, сякой, этакой! отходи съ миромъ... А у самого, сударь, духъ захватило, и слезы изъ глазъ посыпались; отвернулся-было я на минуту.

— «Астафій Ивановичъ...

«Смотрю: хочетъ Емеля мнѣ что-то сказать; самъ приподнимается, силится, губами шевелить... Вѣсь вдругъ покраснѣлъ, смотритъ на меня... Вдругъ вижу: опять блѣднѣетъ, блѣднѣетъ, опалъ совсѣмъ во мгновение; голову назадъ закинулъдохнулъ разъ, да тутъ и Богу душу отдалъ . . .

.

КОНЕЦЪ.

Вышедшіе донынѣ семь выпусковъ заключаютъ въ себѣ сочиненія: **О. М. Достоевскаго**, просмотрѣнныя, передѣланныя и дополненныя самимъ авторомъ (съ портретомъ автора при третьемъ томѣ), графа **Л. Н. Толстаго**, **А. О. Писемскаго**, *просмотрѣнныя и передѣланныя авторомъ*. (Съ портретомъ автора, при третьемъ томѣ) и сочиненія **Вс. В. Крестовскаго**, (съ портретомъ автора.)

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ», и комедія «Ипохондрикъ» соч. **А. О. Писемскаго**.

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и рассказы: «Мг. Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя» соч. **А. О. Писемскаго**.

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая Барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной главой 2-й части; драма «Горькая Судбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ» соч. **А. О. Писемскаго**.

Въ четвертый: всѣ поэмы, лирическія стихи, сказки, повѣсти и рассказы, соч. **Вс. В. Крестовскаго**.

Въ пятый: повѣсти и рассказы: «Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Утро помѣщика», «Записки маркера», «Люцернъ» изъ записокъ князя Д. Нехлюдова, «Альбертъ», «Два гусара» и «Три смерти», соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ шестой: романъ «Семейное счастье», повѣсти и военные рассказы: «Метель», «Поликушка», «Казаки», «Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ», «Набѣгъ», «Рубка лѣса», «Севастополь въ Декабрѣ», «Севастополь въ Маѣ», «Севастополь въ Августѣ 1855 года» и «Педагогическія статьи» соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ седьмой: «Записки изъ мертвого дома», въ новомъ изданіи и съ новой главой во второй части; романы и повѣсти «Хозяйка», «Слабое сердце», «Господинъ Прохарчинъ», «Бѣдные люди», «Бѣлыя ночи» и «Честный воръ», соч. **О. М. Достоевскаго**.

Въ восьмой: романы, повѣсти и рассказы: «Униженные и оскорбленные», «Неточка Незванова», «Записки изъ подполья»,

«Крокодилъ», «Сѣверный анекдотъ», и «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», соч. О. М. Достоевскаго.

Въ 9, 10, 11 и 12 выпуски войдутъ слѣдующія сочиненія:

Въ девятый: романы, повѣсти и рассказы: «Село Степанчиково», «Дядюшкинъ сонъ», «Маленькій герой», «Чужая жена и мужъ подъ кроватью», «Елка и свадьба», «Двойникъ», въ новомъ передѣланномъ видѣ, и «Новый романъ написанный для этого изданія и нигдѣ еще непечатанный» соч. О. М. Достоевскаго.

Въ десятый: романъ «Подводный камень», рассказы и повѣсти: «Горы», «Деревенскій визитъ», «Нынѣшняя любовь», «Огненный змій», «Порядочный человекъ», «Въ доротъ» и «Ясные дни», соч. М. В. Авдѣева.

Въ одиннадцатый: романъ «Тамаринъ», рассказъ «Попѣдка на кумысъ», «Дорожныя замѣтки» и «Письма изъ заграницы», соч. М. В. Авдѣева.

Въ двѣнадцатый, тринадцатый и четырнадцатый: войдутъ: Всѣ новыя сочиненія А. О. Писемскаго а равно и сочиненія: Фонъ-Визина, Грибоѣдова, Озерова, Новикова, Дмитріева, Батюшкова, Гибдича, Ломоносова и др.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго выпуска три р., съ пересылкою 3 р. 50 коп.,—а по

ПРОДОЛЖАЮЩЕЙСЯ НА ИЗДАНІЕ ЭТО ПОДПИСКѢ НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ три руб. сер. за послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе «Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ», а равно и за право получить какъ вышедшіе, такъ и имѣющіе выйти въ свѣтъ всѣ выпуски этаго изданія по 1 р. 50 к., а съ пересылкою по 2 р. с.

Подписка принимается исключительно: Въ С. Петербургѣ, у издателя О. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауфера, № 27.

